

КОТОВА ОЛГА

ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО

ТЕМНЫЕ РЕЛИКВИИ

Ольга Которова

Голос из прошлого

<https://litres.ru/74696284>

SelfPub; 2026

Аннотация

Из старинного особняка бесследно исчезает молодая реставратор. Двери заперты изнутри, вещи остались на своих местах, а единственная странность — дорожки из соли в ее спальне.

Вероника и Глеб берутся за расследование, даже не подозревая, что девушка далеко не первая, кто исчез в этих стенах. По ночам здесь сам по себе играет старинный граммофон, а среди мелодий слышатся голоса давно умерших людей.

Какие тайны хранит особняк? И почему музыка зовет тех, кто однажды потерял близких?

Содержание

Часть первая. Дом, который не спит	4
Часть вторая. Тени минувших лет.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ольга Которова

Голос из прошлого

Часть первая. Дом, который не спит

Ника стояла напротив дома, в котором ей придется провести собственное расследование. К ней в лавку пришла пожилая женщина и попросила отыскать ее пропавшую внучку.

Полиция начала поиски, но никаких следов девушки обнаружить не удалось. А теперь, спустя шестнадцать дней после ее исчезновения, Ника сама приехала в особняк, надеясь разобраться в произошедшем.

Тамара Павловна была уверена, что ее девочка исчезла не по своей воле и за этим скрывается какая-то мистическая тайна. У женщины не было ни веских аргументов, ни доказательств того, что исчезновение внучки связано с мистикой, да и Веронику Тамара Павловна смогла уговорить не с первого раза. Ника скорее пожалела женщину и согласилась участвовать в поисках ее внучки. Вдруг она и правда чем-то сможет помочь.

Лера занималась реставрацией старинного особняка. В ее команде были рабочие, вместе с которыми она пыталась

восстановить дом, и у нее это получилось. Но однажды Лера просто перестала выходить на связь. Рабочие приехали утром после выходных, а начальницы на месте не оказалось. Все ее вещи остались в доме. Судя по состоянию комнаты, в которой она жила, Лера словно собиралась ложиться спать, но ее что-то отвлекло.

Входная дверь дома, как и запасной выход, была заперта изнутри. Окна тоже были закрыты. Куда могла исчезнуть молодая женщина из закрытого дома, никто не знал. Ника решила восстановить ход событий, пожить в старом особняке и узнать, над чем работала Лера. Помимо дома, та реставрировала еще и старинные вещи, оставшиеся в особняке. А по словам Тамары Павловны, ее внучка уделяла большое внимание музыкальной комнате, в которой хранилось множество старых пластинок.

Особняк оказался даже красивее, чем Вероника себе представляла.

Большой, сложенный из массивных потемневших бревен, он возвышался среди старого яблоневого сада и больше походил на дом из какой-нибудь сказки, чем на место, где совсем недавно бесследно исчез человек. По сторонам широкого крыльца возвышались высокие деревянные колонны, а в больших витражных окнах поблескивали разноцветные стекла. На крыше виднелся небольшой вдовый мостик, огороженный резными перилами. Наверное, когда-то отсюда хозяева любовались закатами или встречали возвращавшихся

домой родных.

Яблони окружали особняк почти со всех сторон. Старые деревья росли неровными рядами, переплетаясь ветвями и местами почти скрывая дом от дороги. За садом начинался лес — густой, темный, подступавший почти вплотную к участку.

Ника несколько секунд молча смотрела на особняк. Если не знать, зачем они сюда приехали, место казалось удивительно спокойным и уютным. Настоящая сказка.

Только история с исчезновением Леры никак в эту сказку не вписывалась.

— Красиво, правда? — услышала за спиной Ника голос Глеба и обернулась, улыбнувшись.

В эту поездку она взяла и его. Глеб даже не попытался отказаться. Сказал, что не хочет оставлять ее одну, да и понравилось ему их последнее расследование. Но Ника-то понимала, что большей частью он поехал именно из-за нее. Их отношения развивались очень медленно. Кроме одного свидания, больше ничего и не было. А Глеб Веронике нравился. Нравился как мужчина. Рядом с ним она ощущала себя защищенной и нужной.

— Да. Дом просто потрясающий. Словно сошел с картинки.

— Ага.

Глеб поравнялся с ней и тоже внимательно посмотрел на дом. В одной руке у него была спортивная сумка с вещами,

в другой он держал чемодан Ники.

Дверь дома резко открылась, и на пороге показался невысокий мужчина лет шестидесяти в широких темно-серых штанах и черном толстом свитере, поверх которого была надета немного потрепанная черная пуховая жилетка. Мужчина был совершенно лысым, с небольшой аккуратной бородкой. Он широко улыбнулся, приветствуя гостей, и вышел вперед.

— Добренького. А я и не слышал, как вы приехали. Только смотрю, машина незнакомая стоит, думаю: приехали. — Мужчина спустился по широким ступеням крыльца и подошел ближе. — Меня Артемий Никитич зовут. Присматриваю я за домом, когда хозяев нет. Они попросили вас встретить. Это же вы будете расследовать исчезновение той девушки?

— Да. — Ника кивнула, улыбнувшись мужчине. — Меня Вероника зовут, а это Глеб.

Мужчины пожали друг другу руки.

— Очень приятно. — Артемий Никитич провел рукой по аккуратной бородке, поглаживая ее. — Идемте в дом, что ли? Покажу все. — Последние слова мужчина произнес немного смущенно.

— Идем, — согласилась Ника и первой последовала за мужчиной.

Дом внутри оказался таким же потрясающим, как и снаружи, несмотря на свою старость. Внутри пахло деревом, крас-

кой, лаком и чем-то неуловимо старым.

Ника с восторгом осматривала широкий холл с высоким потолком. Деревянные стены были покрыты лаком. Напротив входной двери начиналась лестница на второй этаж с резными перилами.

— Тут, значит, у нас... — Артемий Никитич указал рукой на широкий проем справа. — Зала. Из нее выход в музыкальную комнату. А тут... — Мужчина показал в левый коридор. — Кухня. Также за кухней есть две комнаты. Когда-то очень давно в них жила прислуга. За лестницей вход в подвал. Там котельная, и вам придется самим отапливать дом. Но там ничего сложного, я все объясню, как делать.

— Какой большой дом! — восхитилась Ника.

— Это да. Радует, что нынешние хозяева решили оставить все, как было раньше, практически ничего не меняя. Музыкальную комнату почти не трогали. Лера только дерево почистила да лак обновила. Уж больно там резьба красивая. Хозяева просили сохранить все как было.

Мужчина шагнул к лестнице.

— Покажу вам второй этаж и комнаты ваши.

Стоило Артемию Никитичу вступить на первую ступеньку, как она тут же протяжно закрипела под его весом.

— А вы общались с Валерией, реставратором, которая здесь жила? — спросила Вероника. Ей нужно было как можно больше узнать о Лере и о том, как она тут жила.

— Да как общался? Она приехала, как и вы. Показал ей

дом, где она жить будет, да и все. Это вам нужно с мужиками местными разговаривать, которые дом ремонтировали. Вот они-то с ней и общались.

— А как этих мужиков найти? — громко спросил Глеб, шедший самым последним.

— Так где? В деревне. Как девчонка пропала, так все работы и приостановили. После полиции из рабочих больше никто в доме не появлялся.

Они остановились на втором этаже.

— Слева у нас хозяйское крыло. Там их комнаты и кабинет. А вот справа — гостевое. Там-то и будете жить. — Артемий Никитич неспешно зашагал дальше.

В гостевом крыле Ника насчитала четыре двери: три по одну сторону коридора и одну напротив.

— Первые две — ваши комнаты...

— А Лера в какой комнате жила? — перебила мужчину Ника.

— Так в последней. — Артемий Никитич указал рукой вперед. — Сразу за вашими. А эта — игровая комната. — Мужчина показал на дверь, стоявшую особняком.

В коридорах было немного тускло. Окон не было, а настенные светильники горели через один. Единственное большое окно, освещавшее пространство на втором этаже, находилось над лестницей, но и его света не хватало, чтобы осветить длинные коридоры.

— Если честно, мне не очень-то нравится, что в этом доме

кто-то будет жить, — неожиданно признался мужчина.

Ника и Глеб переглянулись.

— Почему? — поинтересовалась Ника, уже понимая, что сейчас услышит какую-нибудь страшную старую историю, как это бывает в подобных местах. И не ошиблась.

— Место-то не очень хорошее.

— Вы что-то знаете? — осторожно спросил Глеб.

— Да все, кто живет рядом, знают. Наша деревня раньше принадлежала хозяину этого особняка. Я еще парнишкой был, когда ходили нехорошие слухи. Люди там пропадали.

— Значит, это уже не первый раз? — тихо спросила Ника.

— Нет, конечно. Только когда в девяностых дом государству перешел, все стихло. Да и то потому, что дом-то никому не нужный оказался. Закрыли его, да и уехали. И стоял он до тех пор, пока его не выкупили и не решили восстановить.

— А что вы знаете про прежних хозяев? — Ника внимательно посмотрела на Артемия Никитича.

— Что знаю? — Мужчина почесал затылок. — Да ничего плохого сказать про него не могу. Хороший мужчина был, только умом тронулся. Примерно за год до того, как дом-то государству отошел, жена с двумя сыновьями у него пропали. Многие думали, что это он их того... — Артемий Никитич провел ребром ладони по шее. — Думали, он убил. Но ведь в доме-то и до него пропадали.

— А кто пропадал? Все или это касалось только хозяев и их близких? — тут же задала вопрос Ника.

Мужчина задумался и только через пару долгих секунд ответил.

— Да вроде только те, кто жил в доме. Прислуга-то из деревенских была. В доме никто не ночевал. Но это только то, что мне известно.

— Так и что там с последними хозяевами? — поторопила Ника мужчину, когда он снова замолчал.

— А чего? Жена и сыновья пропали, ну у него головушка-то и поехала. Помню, рассказывали те, кто у него в доме работал, мол, хозяин постоянно твердил, что его родные в музыке исчезли.

— В музыке? — переспросил Глеб, с сомнением посмотрев на Артемия Никитича.

— Именно. В музыке. Многие не могли поверить, что это он убил свою жену и детишек. Любил он их крепко, не мог такого сделать. — Мужчина отрицательно покачал головой. — Да и добрый он был. Никогда и никому ничего плохого не делал. Деревня, наоборот, при его правлении хорошо жила. Богато. Он все для людей делал.

— А были ли у него братья или сестры? — спросила Ника, вспоминая те немногие слова Тамары Павловны.

Этот особняк принадлежал ее друзьям, которые жили за границей. Когда-то дом принадлежал их далеким предкам, и теперь они решили выкупить его и восстановить. Наняли внучку Тамары Павловны, чтобы та провела реставрацию дома, но Валерия неожиданно исчезла.

— Вроде у него брат младший был, но об этом лучше у кого-то в деревне поспрашивать, кто раньше работал в доме.

— А еще кто-то в живых остался? — спросила Ника, цепившись за его слова.

— Ну да. Дед Никифор конюхом при доме работал. Один и остался в живых из тех, кто еще знал последнего хозяина. Он-то больше всего может рассказать. Только я вам одно скажу: будьте осторожны. То, что в этом доме что-то плохое есть, — это точно. Валерия вон тоже сначала не верила. Но я ее сразу предупредил и сказал, чтобы соль рассыпала у окон и дверей. Чтобы нечисть никакая не зашла. Она сначала смеялась, а потом, когда исчезла, я пришел и смотрю: в комнате-то ее дорожки из соли были. Значит, все же послушалась. И не просто так рассыпала. Не просто. — Последние слова мужчина произнес практически шепотом. — Даже мужики, что в доме ремонт делали, допоздна никогда не задерживались здесь. Как темнеть начинало, они сразу уходили.

— Почему?

— Говорят, не нравилось им тут. Что-то нехорошее было.

Ника от последних слов мужчины поежилась. Она, как никто другой, знала, что в этом мире существует и потустороннее. Вероника уже не раз сталкивалась с этим самым потусторонним. И в основном такие встречи ничем хорошим не заканчивались.

— Ладно, я, наверное, пойду. Если что-то нужно будет, лучше сами в деревню приходите. Связь в доме не ловит, ес-

ли только на улице, да и то постоянно с перебоями. Позади дома колодец увидите, и вот за ним тропка в лес уходит. Она вас точно в деревню приведет. Пешком минут пятнадцать. Автолавка приезжает по понедельникам и пятницам в десять утра. Так что, если что-то нужно будет из продуктов, приходите. Дом мой третий с начала улицы. Что еще... — Артемий Никитич задумался. — А, Глеб, идем, покажу, как котлом пользоваться.

Мужчины ушли, а Ника осталась стоять возле закрытой двери комнаты.

Спальня оказалась просторной и светлой. В ней стояли большая двуспальная кровать, платяной шкаф и тумбочки по обе стороны от кровати. Больше мебели не было. Закатив свой чемодан, Ника решила осмотреть комнату, в которой жила Лера. Ее словно невидимыми нитями тянуло в ту спальню, и она пошла.

Ника аккуратно открыла дверь комнаты Леры и заглянула внутрь. Комната оказалась почти такой же, как ее спальня, только здесь стояли еще два стула, на спинках которых аккуратно висела одежда. Кровать была расправлена, а на тумбочках лежали личные вещи.

Вероника подошла к окну, отодвинула занавеску и посмотрела на старый яблоневый сад, за которым раскинулся лес. Взгляд Ники соскользнул в сторону, к подоконнику, и

она заметила тонкую белую линию из крупинок. Ника указательным пальцем потрогала полосу. Это была соль. Обычная столовая соль. Но что заставило Леру рассыпать ее на подоконнике?

Вспомнив рассказ Артемия Никитича о том, что соль была и у двери, Вероника сразу же проверила его слова. И правда, рядом с дверью тоже была соль, только уже не ровной полосой: ее растоптали, и сохранилась она лишь в некоторых местах.

Дело становилось еще более загадочным.

Вероника подошла к одной из тумбочек и открыла ее. Не любила она рыться в чужих вещах, но сейчас это было необходимо. В ящике тумбочки не было ничего ценного. Только блокнот, ручка, тюбик крема для рук и маска для сна.

Ника осторожно прикоснулась к блокноту, боясь, что видения резко вспыхнут, но ничего не произошло. Взяв блокнот, она открыла его. Лера записывала в нем распорядок дня и делала важные пометки. Быстро пролистав странички, Ника положила блокнот обратно и взяла маску для сна. Но и от нее не возникло ни одного видения. Она даже попыталась сконцентрироваться. Хотелось заглянуть в прошлое и посмотреть, что именно делала Лера, но видений не было.

Ника прикоснулась еще к нескольким вещам, но снова потерпела неудачу, что злило ее и приводило в недоумение. Хотя этот дар был у нее не так силен. Возможно, карты подскажут куда больше.

— Ника? — послышался голос Глеба из коридора, и Вероника тут же выглянула.

— Я тут. В комнате Леры.

Глеб вошел в комнату.

— Нашла что-то?

— Кроме соли ничего. Неужели она поверила в нечистую силу?

— Если соль рассыпала, значит, что-то видела или слышала. И если это так, почему не рассказала бабушке и не уехала из дома? Она ведь ничего не говорила Тамаре Павловне?

— Да вроде нет. Она точно мне бы сказала. Зачем такое скрывать? А вообще, странно все это. Куда могла исчезнуть женщина в закрытом доме? — Вероника еще раз осмотрела комнату.

— Кабы я знал. — Секунду Глеб помолчал. — Слушай, давай разложим вещи и обследуем как следует дом.

— Хорошо. А я как раз сделаю расклад. Может, карты что подскажут.

И они вышли из спальни Леры, разойдясь каждый по своей комнате.

Разложив вещи, Ника забралась на кровать с ногами и устроилась по-турецки. Достав из сумки колоду, она несколько секунд просто держала ее в руках.

После рассказа Артемия Никитича и увиденной в комнате Леры соли вопросов стало еще больше. Конечно, все это могло оказаться обычными деревенскими страшилками.

В домах, в которых хоть раз умирали люди, призраки всегда присутствовали. А если в этих домах случилось еще что-то страшное, ну или кто-то исчезал, как это было в особняке, появлялись и разные байки и легенды. Вот только Ника слишком много раз сталкивалась с необъяснимым, чтобы совсем не обращать внимания на подобные истории.

Она закрыла глаза и начала медленно тасовать колоду.

— Ну что, — тихо проговорила Вероника, — покажете, что случилось с Лерой?

Первая карта легла на покрывало рубашкой вверх. Ника перевернула ее.

Луна.

Она невольно нахмурилась.

— Даже не удивлена.

Луна появлялась всякий раз, когда дело касалось тайн, страхов и чего-то скрытого. Она могла предупреждать об обмане, иллюзиях или о том, что Ника пока видит лишь малую часть происходящего.

Следом девушка вытащила вторую карту.

Верховная Жрица.

Теперь стало интереснее.

— Тайна, которую не хотят открывать, — пробормотала Ника.

Она провела пальцем по краю карты и ненадолго задумалась. Верховная Жрица редко давала прямые ответы. Эта карта словно предлагала не торопиться и внимательнее смот-

реть по сторонам. Истина где-то рядом, но сама в руки не даётся.

Последней Ника вытянула Восьмерку Кубков. Несколько секунд она молча смотрела на расклад.

Луна. Верховная Жрица. Восьмерка Кубков.

— И что мне с вами делать?

— Для начала можно перестать разговаривать с картонками.

Ника вздрогнула и вскинула голову.

Глеб стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку. На губах мужчины играла довольная улыбка.

— Ты всегда так бесшумно подкрадываешься?

— Я вообще-то постучал.

— Не слышала.

— Еще бы. Ты тут совещание проводишь.

Вероника закатила глаза в ответ на его улыбку.

— Очень смешно.

Глеб вошел в комнату и остановился возле кровати.

— Ну и что сказала твое совещание?

— Ничего хорошего.

— А если конкретнее?

— Луна — тайна, страхи, обман. Верховная Жрица говорит, что от нас что-то скрыто. Причем ответ, скорее всего, находится совсем рядом. А Восьмерка Кубков обычно означает уход.

— Так Лера все-таки сама ушла?

— Не знаю. — Ника вздохнула. — Давай рассуждать логически. Если бы она сама ушла, то, думаешь, не вернулась бы домой? Да и зачем оставлять телефон и документы? Да и как она могла уйти, если двери, как нам известно, были заперты изнутри? Окна тоже не открывали.

— Это только по словам тех, кто обнаружил ее исчезновение.

— А первыми его заметили рабочие, — тихо продолжила Ника.

— Думаю, нам не мешало бы с ними поговорить.

— Согласна.

Вероника собрала карты в одну стопку, однако убирать их не спешила.

Восьмерка Кубков не давала ей покоя.

Ника провела большим пальцем по краю колоды.

— А если ее кто-то увел, как этот человек потом выбрался из дома? А если Артемий Никитич прав и перед исчезновением Лера чего-то боялась настолько, что рассыпала соль у двери и окна...

— Значит, нужно выяснить, чего именно она боялась.

Ника подняла на него глаза.

— Именно.

Она убрала карты в коробку и спустила ноги с кровати.

— Пойдем осматривать дом. Только предлагаю начать с первого этажа.

Ника убрала колоду в сумку, накинула теплую кофту и по-

следовала за Глебом.

В доме стояла мертвенная тишина. Пока они ходили по особняку с Артемием Никитичем, Ника не обращала на эту тишину внимания, а сейчас она резала по ушам, и отчего-то становилось немного жутковато, хотя на улице еще день. На часах не было и двух. Тишину изредка нарушал скрип деревянных половиц под ногами.

Они спустились в холл.

Начать решили с зала, о которой рассказывал Артемий Никитич.

За широким дверным проемом находилась просторная комната с тремя высокими окнами. Здесь реставрация, судя по всему, почти закончилась. Стены покрывали деревянные панели, потемневшие от времени, под потолком висела массивная бронзовая люстра, а вдоль стен стояли старинные шкафы и несколько кресел.

На каминной полке Ника заметила несколько фотографий в старых рамках. Она подошла ближе. На одном снимке возле особняка стояло большое семейство. Мужчины в строгих костюмах, женщины в длинных платьях, несколько детей. Фотография сильно выцвела, но дом на заднем плане узнать было легко.

— Бывшие хозяева? — спросил подошедший Глеб.

— Возможно.

Ника хотела взять рамку, но передумала. Пока лучше было ничего не трогать без необходимости.

— Лера наверняка разбирала эти фотографии, — предположил Глеб.

— Значит, где-то должны быть ее записи.

— Скорее всего.

В другом конце комнаты находилась высокая двустворчатая дверь.

Глеб первым подошел к ней.

— Судя по рассказу Артемия Никитича, за ней музыкальная комната.

Ника почувствовала, как внутри появилось странное волнение.

Именно этой комнате Лера уделяла особенно много внимания. И именно про музыку говорил прежний хозяин после исчезновения жены и детей.

«Они исчезли в музыке». Слова Артемия Никитича пронесли у нее в голове. Ника сама не понимала, но почему-то эта фраза ее пугала. Хотя в ней не было ничего страшного. Если верить словам Артемия Никитича, последний хозяин дома был не в ладах с головой, а психически больному человеку может казаться все что угодно.

— Нужно будет все разузнать о последних хозяевах дома, — негромко проговорила она. — Мужчина не просто так с ума сошел. Изначально-то был здоров.

«А может, его с ума свели призраки дома?» — пронеслась очередная мысль, и Ника надеялась, что в этом доме нет никаких привидений. По крайней мере, она не ощущала ничье-

го присутствия.

Глеб взялся за металлическую ручку и нажал на нее. Дверь с тихим скрипом отворилась.

Ника последовала за Глебом и замерла на пороге.

Музыкальная комната оказалась значительно больше, чем она ожидала. Почти всю дальнюю стену занимали высокие деревянные шкафы со стеклянными дверцами. За ними ровными рядами стояли сотни пластинок. Некоторые хранились в ярких конвертах, другие — в простых пожелтевших бумажных пакетах.

В центре комнаты стоял большой стол, заваленный тетрадями, коробками и какими-то проводами. Рядом находился современный ноутбук, покрытый тонким слоем пыли.

— Это Лерин, — прошептала Вероника, не отрывая взгляда от ноутбука. Она подошла ближе, рассматривая его как следует, но не спешила к нему прикасаться.

— Тут много записей от руки. — Глеб тоже стоял рядом со столом и, взяв одну из тетрадей, рассматривал написанное. — Это пометки о том, что нашли в доме. Она вела подсчет всего, над чем работала. Полезные записи. Нужно будет их изучить.

Вероника обвела взглядом комнату, задержавшись на деревянных панелях. Резные цветы и переплетающиеся листья образовывали красивый узор. Один из листьев показался ей необычно гладким, будто дерево в этом месте отполировали руками. Но уже через мгновение ее внимание привлек

старинный граммофон, стоявший у стены, и она подошла к нему, рассматривая.

Темное полированное дерево, латунные детали и массивная труба, похожая на огромный раскрывшийся цветок. Несмотря на возраст, аппарат выглядел практически новым.

— Красивый, — произнесла она тихо.

Глеб тоже подошел к проигрывателю, остановившись рядом.

— И рабочий, судя по всему.

Мужчина вернулся к столу, на котором лежали пластинки, и, взяв одну, вернулся к проигрывателю. Поставил пластинку, несколько раз повернул боковую ручку и, когда диск закрутился, осторожно опустил иглу. Сперва послышался неприятный шум, а потом заиграла тихая музыка.

— И правда, рабочий. — Мужчина улыбнулся. — Идем изучать дом дальше?

— Идем. — Вероника вздохнула.

Остальные комнаты они осмотрели довольно быстро. Не было там ничего такого, чтобы привлекло их внимание. Осмотр занял еще около двух часов. И только потом Вероника и Глеб выгрузили из машины продукты, купленные по дороге, и занялись ужином.

Осень выдалась прохладной. К вечеру и вовсе пошел дождь.

После ужина Ника и Глеб устроились в гостиной возле камина. За окнами давно стемнело, и старый особняк словно отгородился от остального мира. Огонь потрескивал в камине, отбрасывая на деревянные стены теплые блики, а на небольшом столике между креслами стояли чайник и две кружки.

Ника забралась в кресло с ногами и раскрыла одну из тетрадей, найденных днем в музыкальной комнате. Большинство записей принадлежало Лере. Девушка аккуратно вела учет пластинок, делала пометки об их состоянии, записывала даты, имена исполнителей и все, что удавалось выяснить о происхождении коллекции.

— Она серьезно к этому подходила, — произнесла Ника, перелистывая очередную страницу.

Глеб сидел напротив с другой тетрадью в руках.

— Тут даже номера полок указаны. Работа проделана колоссальная, — восхитился Глеб.

— Удобно. Значит, завтра сможем проверить, все ли на месте.

Ника сделала глоток чая и снова опустила взгляд на записи.

Некоторые страницы были исписаны почти полностью, другие содержали всего несколько строк. Иногда рядом с названием пластинки Лера ставила вопросительный знак или короткую пометку: «Проверить». Несколько раз встречалась запись: «Плохая запись, много шумов».

— Кстати, давай завтра дойдем до деревни и поговорим с рабочими?

— Ага.

Они просидели у камина еще около часа. Ничего действительно важного в записях Леры так и не нашли. Судя по тетрадям, последние недели девушка почти все время проводила в музыкальной комнате, разбирая коллекцию и оцифровывая пластинки.

Ближе к полуночи они разошлись по комнатам.

— Если увидишь призрака, кричи громче, — сказал Глеб возле своей двери, усмехнувшись.

— Чтобы ты успел убежать первым? — Ника рассмеялась.

— Именно. Ладно, спокойной ночи.

— И тебе.

Спать совершенно не хотелось.

Она переоделась, забралась под одеяло и выключила свет. Некоторое время лежала, глядя в темноту.

Дом жил собственной жизнью.

Где-то поскрипывало дерево. Иногда тихо постанывали трубы отопления. За окнами бушевал ветер, и Нике даже показалось, что из леса доносится какой-то вой. А может, это просто ее фантазия разыгралась.

Ника старалась не обращать внимания на посторонние звуки, но получалось плохо. Стоило ей попытаться расслабиться, как обязательно раздавался какой-нибудь звук, от которого сердце начинало бешено колотиться.

Она вообще плохо спала в чужих местах, а особенно жутко ей было, если в этих местах произошло что-то очень нехорошее. А стоило вспомнить слова Артемия Никитича о людях, исчезавших здесь, как воображение тут же начинало рисовать всякую ерунду.

«В музыке исчезли».

Странная фраза никак не выходила из головы.

Ника повернулась на другой бок, натянула одеяло повыше и посмотрела в незашторенное окно. Небо было черным. Ни луны, ни звезд. Глубоко вздохнув, она прикрыла глаза и попыталась уснуть. Получилось это не так быстро, как хотелось бы. Но стоило Веронике наконец провалиться в сон, как ее разбудил какой-то звук.

Сначала Ника даже не поняла, что именно заставило ее открыть глаза. Она лежала неподвижно, всматриваясь в темноту комнаты.

Секунда.

Еще одна.

Девушка прислушивалась, ощущая, как ее сердце начинает быстро биться, а в груди нарастает тревога.

А потом она услышала.

Музыку.

Где-то внизу очень тихо играла веселая танцевальная мелодия. Она звучала по-старинному, немного скрипуче, с шорохами и потрескиванием, словно запись сделали много десятилетий назад.

Ника мгновенно проснулась окончательно, а музыка продолжала играть. И это была не игра воображения. Звук действительно доносился снизу. Веселая мелодия, казалось, становилась все громче. Веронике очень хотелось, чтобы это оказалась неудачная шутка Глеба. Чтобы он просто решил над ней подшутить. Но она понимала, что это не Глеб.

Вероника лежала не двигаясь. Первая мысль была совершенно детской: забраться под одеяло с головой и сделать вид, что ничего не слышит. Она даже машинально потянула край одеяла выше, но остановилась. Прислушалась. На мгновение музыка затихла, но не прошло и пары секунд, как заиграла другая мелодия, такая же веселая, как и предыдущая.

Собравшись с мыслями, Вероника села на кровати, не сводя взгляда с входной двери. Она не сомневалась: мелодия доносилась из музыкальной комнаты. По коже побежали мурашки, когда за дверью скрипнула половица. Девушка даже дышать перестала, а затем послышался тихий стук в дверь. Он прозвучал так неожиданно, что Вероника вздрогнула, чудом не закричав от страха. А музыка не стихала.

Стук повторился, а из-за двери раздался голос Глеба.

— Ника?

И дверь медленно открылась.

Глеб стоял на пороге босиком, в пижамных штанах, с телефоном в руках и светил фонариком в ее комнату.

— Глеб! — Ника тут же подскочила с кровати, подбежала к двери и нажала на выключатель, но свет не загорелся. —

Что со светом?

— Может, пробки выбило? Света нет во всем доме.

— Это ведь не ты включил проигрыватель? — прошептала она.

— Если бы, — ответил Глеб. В его голосе слышался страх.

Саму Веронику трясло от страха. А мелодия тем временем сменилась, и заиграла более спокойная музыка.

— Что делать? — Ника посмотрела в лицо Глеба.

Мужчина сглотнул и посмотрел в сторону лестницы.

— Сходим и посмотрим, что там?

Ей не хотелось никуда идти. Единственным желанием было спрятаться куда-нибудь подальше и не высовываться. Но Ника только согласно кивнула. Делать было нечего. Оставался шанс, что проигрыватель просто старый. Мало ли что у него переклинило — и он заиграл. Глеб ведь оставил на нем пластинку. И никакие не призраки и не нечисть играют с ними. Ника даже представить себе не могла, что чувствовала Лера, когда слышала ночью музыку. А она точно ее слышала. Ника была в этом уверена.

— Идем?

Глеб кивнул, и они медленно двинулись к лестнице. Глеб шел впереди, Ника отставала на шаг. Единственным источником света был фонарик телефона. Никто из них даже не подумал о том, что они идут босиком по холодному полу. От страха ни Вероника, ни Глеб не вспомнили об обуви. Да и не ощущали они ничего, кроме ужаса, от которого все волосы

на теле вставали дыбом.

Они осторожно спустились по лестнице. На удивление, не скрипнула ни одна ступенька.

На первом этаже было темно. Глеб нажал на выключатель, но и здесь свет не загорелся. А звуки музыки стали еще громче.

Веселая мелодия с легким потрескиванием пластинки разносилась по пустому дому. Ника машинально схватила Глеба за руку, и он сжал ее ладонь крепче. От Вероники не укрылось, как дрожит рука Глеба. Он боялся, как и она сама.

Чем ближе они подходили к музыкальной комнате, тем громче становилась мелодия.

Дверь была закрыта. Только вот Ника прекрасно помнила, что она была открыта, когда они уходили спать. Она сама отнесла туда записи Леры и не стала закрывать дверь.

— Дверь была открыта, — прошептала Ника.

— Точно?

— Да.

Глеб сглотнул, выпустил руку Ники и положил ладонь на ручку. Медленно повернул ее и толкнул дверь.

Комнату освещал только яркий лунный свет, проникавший с улицы. Глеб первым шагнул внутрь, а Ника последовала за ним, подумав о том, что, когда она засыпала, шел дождь и на небе не было ни луны, ни звезд. Теперь же луна светила очень ярко, хорошо освещая комнату.

Все внимание Глеба и Вероники было приковано к проиг-

рывателю. Глеб медленно прошел по комнате и остановился у граммофона.

На старинном проигрывателе вращалась пластинка. Игла скользила по дорожке. Через мгновение Глеб поднял иглу. Музыка стихла, и в доме стало оглушительно тихо. Даже ветра за окном не было слышно.

Вероника вдруг подумала, что лучше бы играла музыка, чем стояла эта тишина. Было в ней что-то нехорошее, отчего в голову лезли пугающие мысли.

— Давай уйдем отсюда, — попросила Ника. Ее не переставало трясти.

— Хорошо. Светом займусь с утра. Что-то нет желания идти в подвал ночью, — ответил Глеб немного охрипшим голосом.

Ника была с ним согласна. Идти ночью в подвал в незнакомом доме, где происходит всякая чертовщина, было бы глупо. Они и без света обойдутся несколько часов. Ничего страшного с ними не случится.

— Только вынь, пожалуйста, пластинку, — попросила она.

Глеб кивнул и тут же выполнил просьбу.

Поднимались вверх они быстрее, чем спускались. Когда дошли до комнат, Ника вдруг попросила:

— Ты можешь сегодня переночевать со мной? — Остаться одной было страшно, даже зная, что в соседней комнате находится Глеб.

— Конечно. — Он не стал отказываться. Ему и самому было не по себе.

Они прошли в комнату Ники и забрались под одеяло.

— Как думаешь, что это такое было? — прошептала Вероника, прислушиваясь к тишине и надеясь, что больше сегодня не будет никаких приключений.

— Я думаю, что игла опустилась и музыка заиграла. Аппарат старый, держатели ни к черту.

— А свет?

— Уверен, что просто выбило пробки.

— Очень на это надеюсь, — прошептала Ника, натягивая на себя одеяло повыше.

Несмотря на переживания и страх, вызванный ночным «концертом», Вероника на удивление быстро уснула. Рядом с Глебом она успокоилась, и сон вскоре сморил ее. А когда утром проснулась, то в кровати была одна, а за окнами уже давно рассвело.

Часть вторая. Тени минувших лет.

Проснувшись, Ника несколько мгновений смотрела на белый потолок, не сразу вспомнив, где находится. А когда вспомнила, перед глазами пролетели картины минувшей ночи, а в ушах тут же зазвучала музыка. От воспоминаний по телу пробежали мурашки.

Ника потянулась к телефону на прикроватной тумбе и разблокировала его, посмотрев на время. Было полдевятого утра. Глеба в комнате не было. Быстро поднявшись с кровати, она умылась, почистила зубы и, надев спортивный костюм, открыла дверь комнаты, прислушиваясь. В доме было тихо. Выйдя в коридор, она осторожно пошла к лестнице, а спустившись на первый этаж, почувствовала аппетитный запах еды и поспешила на кухню, где нашла Глеба.

Мужчина стоял у плиты и жарил яичницу с колбасками и овощами.

— Доброе утро. — Ника глубоко вдохнула аппетитный аромат, и желудок тут же заурчал.

— Проснулась уже? — Глеб обернулся, и Ника заметила на нем белый фартук в ромашку. Надо сказать, он очень ему шел. — Завтрак уже практически готов. Ты будешь чай или кофе?

— Лучше чай. Я сделаю сама, не отвлекайся. А ты что будешь?

— Кофе.

Пока Ника готовила напитки, Глеб доделал завтрак. После того как они плотно поели, решили сходить в деревню и поговорить с рабочими. Дождь закончился еще ночью, оставив после себя влажный воздух.

Для прогулки по осеннему лесу нужно было одеться как следует. Ника и Глеб подготовились. Надев резиновые сапоги и легкие дождевики поверх курток, они заперли дом и пошли в сторону колодца, на который вчера указал им Артемий Никитич. Колодец нашли быстро, как и широкую тропу, ведущую в лес. Сразу было видно, что по этой тропе часто ходили. Скорее всего, те самые рабочие, которые занимались ремонтом дома.

Идти по тропе оказалось нетрудно, хоть после ночного дождя земля и размокла. Под ногами то и дело чавкала грязь, а с веток при каждом порыве ветра срывались крупные капли воды. Лес вокруг стоял тихий, влажный и какой-то особенно свежий. Пахло мокрой землей, листвой и хвоей.

Ника шла чуть впереди, осторожно обходя глубокие лужи.

— Пятнадцать минут, говорил Артемий Никитич? — спросила она, оглядываясь на Глеба.

— Ага.

— Надеюсь, он не из тех людей, у которых пятнадцать минут превращаются в сорок. — Девушка усмехнулась.

Несколько минут они шли молча. Тропа петляла между деревьями, местами становилась уже, потом снова расширя-

лась. Где-то неподалеку постукивал дятел, а высоко над головой перекликались птицы.

В дневном свете вчерашние рассказы о призраках и исчезнувших людях казались уже не такими пугающими. Даже ночная музыка вспоминалась иначе. Хотя стоило Нике представить вращающуюся пластинку и старый граммофон, который никто не заводил, как неприятный холодок снова пробегал по спине.

— Ты тоже об этом думаешь? — неожиданно спросил Глеб.

— О чем?

— О ночи.

Ника обернулась и посмотрела на него.

— А ты?

— А я пытаюсь придумать нормальное объяснение тому, что вчера произошло. Все вспоминаю, сколько раз я прокрутил ручку, чтобы завести проигрыватель. Я с утра сходил в музыкальную комнату, проверил держатель иглы. Он вроде держится крепко, и я даже не представляю, что должно было произойти, чтобы игла сама опустилась. — Глеб прерывисто выдохнул.

— А свет? — Ника вспомнила еще одну вчерашнюю неприятность, о которой совсем забыла спросить за завтраком.

— Как я и предполагал, выбило пробки.

— Да, странно все это, — задумчиво произнесла Ника. —

Знаешь, о чем я еще думаю?

— М-м?

— Практически каждый раз, когда я прикасаюсь к вещам, особенно старинным, я могу увидеть их прошлое, а тут целый дом, который пережил сотню лет, а у меня ни одного видения.

— Может, нужно получше сосредоточиться, чтобы увидеть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.